

Екатерина Полянская



Родилась в 1967 году в Ленинграде. Окончила СПбГМУ им. И. П. Павлова. Поэт, переводчик с польского и сербского языков. Член СП России. Автор семи стихотворных сборников. Стихи публиковались во многих российских и зарубежных журналах. Лауреат нескольких российских и зарубежных литературных премий и конкурсов. Стихи переведены на польский, итальянский, болгарский, японский, английский, чешский и сербский языки. Живёт в Санкт-Петербурге.

Почтовый голубь № 48

*Письмо в грязи и в крови запеклось,
И человек разорвал его вкось.*
Н. Тихонов. Баллада о синем пакете

Меж сосен едва розовеет рассвет.
Рация разбита. Связи нет.
Из окружения нет пути,
Только шифровка должна дойти.
А иначе всё это будет зазря.
Человек из клетки достаёт сизаря,
Заскорузлой ладонью ведёт по спине:
«На войне, дружище, — как на войне.
Понимаешь, шансы у нас — не ахти.
Долети. Пожалуйста, долети!»
Человек спокойно глядит вокруг:
«Будем прорываться. А вдруг!..»
Лицо его в ссадинах и в пыли.
А птица уже далеко от земли.

Голубь поднимается высоко,
Воздух держит его легко,
Пусть на земле всё дымит и горит,
У птицы точный компас внутри —
Компас, который не подведёт.
Голубь летит на восток. Вперёд.
Воздух обманчиво-плотен, упруг.
Он — не такой уж надёжный друг.
Трубы печные... Пятна полей...
С каждым взмахом — всё тяжелей.
Но почему-то нельзя назад...
И ястреб — тенью — наперехват.

Пули надёжнее, ветра быстрее,
Хищник натаскан на почтарей.
Он заходит сверху и бьёт,
Его задача — прервать полёт.
Птица камнем падает вниз.
Кажется — ни за что не спастись.
Воздух свистит. Но не подвели
Крылья — раскрылись у самой земли.
Голубь так беззащитен и мал.
Голубь изранен, голубь устал.
Он не хочет уже ничего.
Но нечто сильнее и больше его
Изнутри подстёгивает, словно плеть:
«Надо лететь! Надо лететь!»
Бьётся-колотится в тесной груди:
«Долети. Пожалуйста, долети!»

Крыши домов, деревья, забор
И — на последнем дыхании — двор.
У голубятни — дежурный бог:
Пилотка, винтовка, пара сапог.
И голубь падает к его ногам —
К время отсчитывающим шагам.

Дежурный сообщает в отдел:
«С весточкой сорок восьмой прилетел».
Тонкую ленту держа в руках,
Человек с неё счистит весь пух и прах
И спокойно шифровку прочтёт:
Цифры и факты. Сухой отчёт.

Солнце садится за облачный край.
Разведгруппа, отстреливаясь, уходит в рай.
И где-то там, в голубиной дали,
Крылья возносят всех от земли.

Я люблю гостиницы. Их уют —
Просто к нам бродягам скупая жалость.
Стол и кров на время тебе дают,
И ты знаешь, сколько его осталось.

Я люблю гостиничный крепкий чай
И случайно купленное печенье,
Я люблю гостиничную печаль,
За окном чужие огни и тени.

Ты один. Всё честно и без прикрас,
Даже без почти что родных предметов...
Так легко собраться в расчётный час,
Потому что лишнего вовсе нету.

Никаких прощаний. Один сквозняк
Занавеской пыльной махнёт вполсилы.
Дверь закрыта. Всё оставлено так,
Как до меня здесь было.

Памяти А. С.

За бурьяном у дороги
Безымянный крест,
Вопросительный и строгий
Взгляд седых небес.

Вот он, твой приют последний,
Твой последний сон.
Снег идёт. Звонят к обедне.
Только снег да звон.

Всё, чем юность поманила,
Всё, что не сбылось, —
Заметённые могилы,
Снег, летящий вкось.

Но не помнит слов упрёка
Смех беспечный наш,
Рвётся с лестницы широкой
Нам навстречу марш —

Мендельсоновский, победный,
Из последних сил...
Ты простил меня, мой бедный?
Знаю, что простил.

Приезд в Елабугу

Поздоровалась и осторожно
Опустилась на стул. За стеной
Чуть поскрипывал маятник... «Можно?
Из Москвы. Я и сын мой со мной».

Огляделась. Оправила платье —
Яркий коврик на чистом полу,
Весь в фестонах подзор на кровати,
Под салфеточкой — «Зингер» в углу,

Серый кот, намывающий лапу,
На окошках — герани рядком...
На мгновение сердце царапнул
Гвоздь, торчащий под потолком.

Но хозяйка приветлива вроде.
Понимает: бедой занесло.
Квохчут куры. Укроп в огороде
Терпко пахнет. И в доме — светло.

Ничего, это просто — усталость,
Долгий морок, дорожная грусть...
Отдохнём, пообвыкнемся малость...
Да и Бог с ним, с гвоздём. Остаюсь.

И хотела бы сподличать, но она говорит: «Умру!»
«Умру, — говорит, — а до этого прокляну.
Горькое горе, немую свою вину
Будешь ты мыкать на ледяном ветру.

Умру, — говорит, — и вновь прорасту, звеня,
Да хоть бы и в дуре, слабой на передок,
Или в пропойце, в божже, отсидевшем срок,
Но не предавшем ни себя, ни меня».

А я всё гляжу, всё пытаюсь увидеть лик,
Неуловимо-изменчивый, словно жизнь.
И так пронзительно в небе кричат стрижи,
С вечностью время сшивая в единый миг.

Старая лошадь

Ей повезло: спина седло забыла,
И шпора не тревожит потный бок.
Спокойно дремлет старая кобыла —
К ней милосерден лошадиный бог.

Есть у неё теперь покой, и воля,
И тёплый кров, и чистая вода...
Что снится ей? — Ковыльное раздолье,
Неудержимый бег невесть куда?

Что снится ей в неверном лунном свете,
Когда все грани призрачно-тонки? —
Мерцание теней и ветер... ветер,
Летающий рядом наперегонки,

Мелькнувшей ветки смутная тревога,
Далёкий зов непаханных полей?..
Всё легче бег. И лунная дорога
Всё ближе, всё просторней и светлей.

Скелеты в моём шкафу

Скелеты в моём шкафу
в полнолуние
отплясывают джигу.
А может быть — «яблочко».
Приходится аплодировать.

Скелеты в моём шкафу
передрались.
Лупасят друг друга костями по черепам —
не поделили старые джинсы.
Тоже мне — модники.

Во время генеральной уборки
скелеты в моём шкафу
перемывают кости друг другу.
Знают, мерзавцы:
замарашек выгоню сразу.

Скелеты в моём шкафу
взбунтовались:
орут «Йо-хо-хо!» и требуют рома.
Пригрозила зачинщиков вздёрнуть на рее.
Помогло, как это ни странно.

Иногда скелеты из шкафа
тайком вылезают на улицу
пострелять сигарет у прохожих.
Попадутся ещё раз за мелкое хулиганство —
не побегу выручать.

Скелеты в моём шкафу
реагируют на перемену погоды:
у них ноют кости.
«Помоги, — говорят, — ты же — доктор».
Помогаю — деваться-то некуда!

Переезжая на дачу,
смотрю, чтобы там
непременно был шкаф, —
всё равно ведь скелеты припрутся.
И куда я их дену?

Скелеты в моём шкафу
устроили самодеятельность:
барабанят по рёбрам, дуют в кости, как в дудки.
А слуха-то нет...
Отхожу-ка их тряпкой!

Скелеты в моём шкафу
обсуждают политику —
не иначе как спёрли смартфон.
Вопрошаю: «А кто за вас будет
думать о вечности? Пушкин?»

Продаю на «Авито»
старый шкаф со скелетами.
Купив его, любая простушка
станет «женщиной с прошлым».
А это уже — кое-что.

... стрелой татарской древней воли...
А. А. Блок

И снова — степь, бескрайняя, как жизнь,
И ровная, как смерть. Она мне снится.
Стирая даты, времена и лица,
Объятая высоким светом птица
Так отрешённо-медленно кружит.

Который нынче год? Который век?
С каких пожарищ снова гарью тянет?
Какой мираж поманит и обманет?..
Полынь увянет и скакун устанет
Стелить по ветру невесомый бег.

И лишь закат по-прежнему кровав,
Как задник декорации для роли,
Не сыгранной ещё. И древней болью,
И памятью о невозвратной воле
Наполнен горьковатый запах трав.

Оливковое деревце на подоконнике
выбросило длинную ветвь,
и по стеклу упрямо тянется
к бледному петербургскому небу.
Тянется так,
словно бы от усилий его
что-то зависит.
Что-то важное.
Очень важное.
И вроде бы ничего не меняется:
солнце не становится ближе,
а небо — ярче.
Но ведь всё-таки в мире
всё неслучайно,
всё взаимосвязано.
А вдруг вот от этой оливковой ветви,
именно от её стойкости,
от непреклонности её стремления к свету
и в самом деле что-то зависит?
Что-то важное.
Очень важное.

Начало мая. Холодно. Светло
И ветрено. Ещё прозрачны тени,
И на асфальте битое стекло
Отбрасывает сотни отражений.

И только одуванчик золотой —
Взгляни скорей: он прямо у помойки
Пробился жаркой силой налитой,
Такой живой и беззащитно-стойкий.

И этот мир, что весь по швам трещит,
В одном-единственном цветке весеннем
Вдруг обретает свой последний щит
И хрупкую надежду на спасенье.

Да кто я такая, Господи, чтоб говорить с Тобою?
С Тобою, Господи! Но Ты видишь: горит земля.
Твоя земля. И становятся полем боя
Древние степи — нынешние поля.

И луна так похожа на пристальный глаз дракона
И, словно щит кочевника, так тверда и кругла.
Всё оттого, что нет над войной закона
И над распаханной степью снова сгустилась мгла.

И я говорю: смотри — это дети Твои, это дети
Гибнут. И от имеющих силу спасения нет.
Ненависть вырвалась, и весь мир ею бредит.
Ты всемогущ. Так останови этот бред.

Да святится имя Твоё, моё да исчезнет имя!
Но пока что я есть, буду молить до конца:
Смилуйся над людьми — над детьми Твоими.
Возьми мою жизнь. Но не отвращай лица.